

# МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

(Изъ воспоминаній).

Было это въ самомъ началѣ девяностыхъ годовъ. Я былъ тогда студентомъ Харьковскаго университета и ѣхалъ на Рождественскіе каникулы въ Петербургъ, къ сестрѣ. Художественнаго театра я тогда еще не видалъ. Въ Харьковѣ очень много говорили въ тѣ дни о предстоящей сценѣ отнюдь не меньше, чѣмъ нашими специальными занятіями. Меня, въ частности, театръ въ тѣ времена захватилъ такъ сильно, что я и самъ мечталъ о сценѣ. Проѣхать черезъ Москву и не видѣть «художественниковъ» было бы для меня настоящимъ горемъ. Между тѣмъ, именно въ день моего проѣзда, у нихъ первое представленіе «На днѣ». Я хорошо зналъ, что билета въ театрѣ не достану, особенно съ моими скудными средствами и, тѣмъ не менѣе, рѣшилъ остановиться въ Москвѣ и попытаться счастья.

Оставилъ я на вокзалѣ свой чемоданчикъ и прямо изъ вагона отправился пѣшкомъ въ театръ. Какъ и слѣдовало ожидать, въ касѣ мнѣ сообщили, что всѣ билеты на первые восемь спектаклей проданы. Но когда человѣку 20 лѣтъ и желаніе добиться своего огромно, — такое заявленіе не достаточно, чтобы смутить его душу. Я сказалъ, что хочу видѣть директора театра, въ надеждѣ, что меня поведутъ къ «самому» Станиславскому. Но меня ввели въ кабинетъ, гдѣ меня встрѣтилъ какой-то господинъ, евѣдой, бритый и въ странномъ, зеленомъ мундирѣ. Къ нему-то и обратился я со своей просьбой. Я рассказалъ ему, какъ я люблю театръ, какъ мечтаю видѣть Художественный, что ѣду въ Петербургъ и могу остаться въ Москвѣ лишь на одинъ вечеръ.

Не знаю, рассказалъ ли мой тронулъ бритого господина или такая ужъ была тенденція у художественниковъ, но, къ великой моей радости, директоръ, извиняясь (!), заявилъ, что можетъ предоста-

вить мнѣ только приставной стулъ въ амфитеатрѣ, такъ какъ другихъ мѣстъ у него нѣтъ. И даже денегъ не захотѣлъ взять...

И вотъ, черезъ два часа я, съ замيراющимъ сердцемъ, сижу на своемъ стулѣ и жду начала.

У насъ, въ Харьковѣ, всегда бывала хорошая драматическая труппа. Я постоянно видѣлъ такихъ актеровъ, какъ Шуваловъ, Самойловъ, Петина, артистокъ, какъ Днѣпрова, Рощина - Инсарова, Сроева - Сокольская. Пріѣзжали къ намъ и гастролеры изъ Александринскаго и Малаго театровъ. Но когда раздвинулся занавѣсъ Московскаго Художественнаго театра, я сразу, всѣмъ сердцемъ почувствовалъ, что все это было «не то», что передо мною нѣчто новое, неизвѣданное и прекрасное, не похожее ни на что видѣнное и слышанное до сихъ поръ. Обстановка, шумъ, жесты, голоса, маленькій актеръ, проходящій черезъ сцену, — все это было не театромъ, а жизнью, настоящей, живой, и эта иллюзія «настоящаго» была такъ сильна, еще до появленія на сценѣ главныхъ артистовъ, что нельзя было удержаться отъ слезъ восторга. А потомъ появились: Сатиновъ, Станиславскій, Баронъ-Качаловъ, Лука-Москвинъ, Настя - Кнѣзьмиха... Все было прекрасно! И сильное, могучее впечатлѣніе правды, созданной талантомъ и искусствомъ людей, все сильнѣе охватывало душу, воставляло испытывать незнакомыя дотошъ чувства, создавало новыя ощущенія, рождало новыя мысли...

И часто и много видѣлъ потомъ худож-

никовъ. Въ первый разъ, какъ занавѣсъ, открывая сцену, возбуждалъ начало новаго спектакля, я снова чувствовалъ приливъ къ сердцу того «глухаго» восторга, какой испытать въ первый разъ и съ которыми я не могу сравнить никакое другое художественное наслажденіе.

Театральный критикъ одной изъ французскихъ газетъ пишетъ, что, «кажется, онъ можетъ сказать безъ преувеличеній, что Художественный театръ — лучшая въ мірѣ драматическая труппа». Этотъ критикъ видѣлъ художественниковъ въ Москвѣ, и его осторожная похвала меня немного пугаетъ: кѣмъ ужъ тутъ можетъ быть «кажется» и какъ можно хладнокровно обсуждать достоинства и недостатки этой труппы!

Художественному театру предстоитъ намъ выступить въ необычной обстановкѣ, въ незнакомомъ, холодномъ театрѣ, передъ новой, пресмыченной и зарашенной скептическѣ настроенной публикой. Поймутъ ли? Оцѣнятъ ли? Да еще не зная ни русскаго языка, ни русскаго исторіи, ни русскаго быта, ни русскаго души! Немного страшно, какъ страшно должно быть влюбленному, что новые люди холодно и непривѣтливо примутъ его невѣсту... Да нѣтъ! Красота и гений — всегда прекрасны, во Франціи, какъ и въ Россіи, и всѣ, въ комъ жива душа, съ восторгомъ преклонятся передъ нашимъ, нашимъ роднымъ русскимъ искусствомъ.

Привѣтъ Московскому Художественному театру на парижской сценѣ.

В. Крымскій.